

О мечте,
о любви,
о судьбе

ЧИТАЙТЕ РОМАНЫ
ВЕРЫ КОЛОЧКОВОЙ

СЛЕЗА ШАМАХАНСКОЙ ЦАРИЦЫ
ПРОВИНЦИАЛЬНАЯ МАДОННА
КЛЮЧИ ОТ ЯЩИКА ПАНДОРЫ
ПАРТИЯ ДЛЯ ЛОВЕЛАСА
ОБИТЕЛЬ СИНЕЙ БОРОДЫ
СИНДЕРЕЛЛА БЕЗ ХРУСТАЛЬНОЙ ТУФЕЛЬКИ
КОВАРСТВО, ИЛИ ТАЙНА ДОМА С МЕЗОНИНОМ
СЛЕПЫЕ ПО БРЕЙГЕЛЮ
ТРЕТИЙ РЕБЕНОК ДЖЕЙН ЭЙР
ПРАВИЛО ПАРАЦЕЛЬСА, ИЛИ ТРИЛОГИЯ ДЛЯ СВЕКРОВИ
ИЗ ЖИЗНИ МЭРИ, В ДЕВИЧЕСТВЕ ПОППИНС
ДЕТИ АФРОДИТЫ
ЛАСТОЧКА ДЛЯ ДЮЙМОВОЧКИ
ЛЕДИ МАКБЕТ МАРКЕЛОВА ПЕРЕУЛКА
РАНДЕВУ ДЛЯ ТРЕХ СЕСТЕР
БЛАГОСЛОВЕНИЕ СВЯТОГО ПАТРИКА
ДОМ ДЛЯ ОДИССЕЯ
ПАРАДОКС ГРЕТХЕН
ЗНАК НЕФЕРТИТИ
НЕМНОГО ЛЮБВИ ДЛЯ БЕДНОЙ ЛИЗЫ
ЗОВ СИРЕНЬ
ЗИМА ДЖУЛЬЕТТЫ
УМЯГЧЕНИЕ ЗЛЫХ СЕРДЕЦ
ЗАВЕЩАНИЕ КАЗАНОВЫ
ЛЮБОВЬ НЕ С ПЕРВОГО ВЗГЛЯДА
СЕМЬЯ МАДАМ ТЮССО

ВЕРА КОЛОЧКОВА

ВОЛОСЫ БЕРЕНИКИ

р о м а н

МОСКВА
2017

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
К61

Оформление серии *С. Власова*

Колочкова, Вера.

К61 Волосы Береники : роман / Вера Колочкова. — Москва : Издательство «Э», 2017. — 288 с. — (О мечте, о любви, о судьбе. Проза Веры Колочковой).

ISBN 978-5-04-089910-4

У Вероники все есть для счастья — и дом, и сын Матвей, и любимый муж Сева. И даже со свекровью Маргаритой Федоровной у нее сложились прекрасные отношения. Тем более их со свекровью объединяет общая тайна — обе знают, что Сева Матвею вовсе не родной отец...

Но все тайное всегда становится явным. И Сева узнает правду. К тому же и биологический отец Матвея снова появляется в жизни Вероники. Как им найти выход из трудного положения? И как женщине разобраться в том, кто для нее дороже — Сева, который все эти годы с любовью воспитывал сына, или его настоящий отец?

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-089910-4

© Колочкова В., 2017
© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2017

И как собой ни рисковали,
Как ни страдали от врагов,
Богов людьми мы рисовали
И в людях
Видели
Богов!

*Е. Евтушенко,
«В церкви Кошуты»*

Маргарита Федоровна стояла перед зеркалом, разглядывала свое отражение с победным прищуром. Потом повернулась боком, откинула голову назад, чуть приподняла подол длинного платья и кокетливо шаркнула ножкой в черной лаковой лодочке на низком каблуке. Ника наблюдала за ней с удивленным восхищением, пока Маргарита Федоровна не спросила игриво:

— Ну как тебе мое новое платье? Отпад, правда?

— Отпад, Маргарита Федоровна. Полный и безоговорочный, — с готовностью подтвердила Ника, даже не пытаясь всплыть в интонацию предложенной свекровью самоиронии.

Какая самоирония, боже мой? Женщине глубоко за семьдесят перевалило, а она — как огурец. Пусть и соленый огурец, и даже, скорее всего, из прошлогоднего засола, но все равно твердо-хрустящий, шибаящий в нос терпким духом смородинового листа и гвоздики. Такой огурчик любые вольности может себе позволить, и модное платье в пол, и шарканье ножкой, и даже восхищенное и совершенно искреннее одобрение своей невестки.

Волосы Береники

— Да, мне и самой нравится, — самодовольно подтвердила Маргарита Федоровна, оглаживая ладонью тонкий шелк на рукавах. — Все-таки новому платью все женские возрасты покорны, что ни говори. Мелочь, а приятно. Да, в нем и пойду, пожалуй. Цвет неяркий, благородно-фиолетовый, как раз в тему. Достоинно и печально, да.

— А куда вы собрались? В театр, что ли?

— Да какой театр? На похороны я иду. Сейчас вместе с вами позавтракаю и поеду. Как ты думаешь, платье в машине не помнется?

— Вы... идете на похороны?!

— Ну да.

Ника озадаченно уставилась на свекровь, забыв налить кофе в свою чашку. Так и держала кофейник в руке.

Вот всегда так. Всегда она застает ее врасплох. Загадочная женщина, непредсказуемая. Нет, в хорошем смысле, конечно, без всякого злого подвоха и без единой претензии. Наоборот, Маргарита Федоровна добра, умна, тактична, но в то же время остра на язык, насмешлива. Удивительно, как это все в ней совмещается? А может, в этом и состоит секрет их взаимной симпатии, что само по себе является большой редкостью, если рассматривать их отношения через лупу «невестка-свекровь»?

— Эй, на шхуне! Сейчас кофе за борт выплещешь. Очнись.

— Ой... — тут же встряхнулась Ника, наливая кофе в свою чашку. — Я и впрямь задумалась.

ВЕРА КОЛОЧКОВА

Маргарита Федоровна хмыкнула и уселась за стол, нежно приподняв шелковый подол, подвинула Нике свою чашку:

— И мне плесни, задумчивая моя. Только немного. Мне много нельзя, давление поднимется. А день сегодня трудный, сама понимаешь. Похороны все-таки. Кстати, как я выгляжу? Может, мне по пути в салон заехать, свой старый фейс немного подрихтовать?

— Ну, Маргарита Федоровна... вы, как всегда, меня в ступор вводите. Даже не знаю, что сказать.

— Хм, а что тебя так смутило, дорогая?

— Да ничего, в общем. Просто я полагала, что...

— Да знаю я, что ты полагала. Хочешь сказать, на похороны по-другому собираются? В другом платье, с другим лицом?

— Ну в общем... Да...

— Так это смотря к кому!

— А кто умер, Маргарита Федоровна?

— Однокашник мой, Ленька Береговой. Да ты слышала, наверное, вчера в «Новостях» передали.

— Это что, тот самый?!

— Ну для тебя он, может, и тот самый. А для меня — просто Ленька. Ох, и веселый парняга в молодости был!.. Гитарист, бабник несусветный. Один бравый молодец на всю нашу девчачью институтскую группу. А умный какой! На лекции вообще не ходил. Как он объяснял: хватит с меня того, что я мужик и учусь в бабском педагогическом, зачем мне ваши занудные лекции? Зато экзамены сдавал на пятерки, а свою повышенную сти-

Волосы Береники

пендию сразу пропивал, такой стол накрывал в общаге! У нас день стипендии так и называли — день имени Ленки Берегового. И ты хочешь, чтобы я к такому веселому парню с кислой миной прощаться пришла? И чтобы траур на себя напялила? Да он бы мне этого никогда не простил! Нет, с Ленкой так нельзя, светлая ему память. Хоть сердце и горе испытывает, а лицо все равно веселым должно быть, я знаю. Я, как никто, его знаю и понимаю.

— Вы с ним дружили, да?

— И дружила, и любила, и обижалась, и ненавидела. Все было, что полагается. У меня ведь с ним на втором курсе роман был... Такой роман, как в кино, с настоящими счастливыми терзаниями. Даже до свадьбы дело дошло. Но свадьба так и не состоялась, потому что я сама, дура, хвостом вильнула. Молодая была, вредная и глупая. Представляешь, была бы сейчас не Тульчина, а Береговая. И ты бы тоже с другой фамилией ходила. А что, звучит... Вероника Береговая...

— Ну что вы, меня вполне устраивает моя фамилия, Вероника Тульчина тоже неплохо звучит. Наверное, вся ваша институтская группа попрощаться придет?

— Да где там... Нас меньше половины осталось. В последние годы мои однокашницы мрут как мухи. Возраст такой, что ж поделаешь. Старость называется. Финал жизни.

— Ну по вам и не скажешь. Вон как вы лихо перед зеркалом гарцевали. В новом-то платье.

— Да, дорогая, так и есть. Ничего не поделаешь, я в такой возраст вошла, в котором чужие

ВЕРА КОЛОЧКОВА

похороны — это единственный шанс показать новое платье. Да, после семидесяти приличные женщины собираются только на похоронах. Все-му свое время, дорогая... Ты еще молода, ты не поймешь. Ты сейчас в другом женском времени живешь, тебе есть где показать новое платье, и слава богу. И пользуйся этим напропалую.

— Надо же... Никогда не задумывалась о временном отрезке для нового платья.

— Придет час — и задумаешься. Прошное легко режется на части, как свежий пирог. Это в будущее нож не воткнешь и не разрежешь, а прошлое, оно ж как на ладони. Вот кусок вечеринок и свадеб, там свои фасоны платьев — легкомысленные. Следующий кусок пирога — время возрастных кризисов, разводов и разочарований. Потом опять всплеск запоздалого романтизма — в поисках новой пары. Потом юбилеи пошли... А после юбилеев уже похороны. Все те же лица практически, та же тусовка, что на свадьбах да юбилеях, только платья другие.

— Ой, не знаю, Маргарита Федоровна... Печально все это как-то.

— Да ладно! Чего печалиться-то? Все там будем, еще никого навсегда и навеки на земле не оставили! Я и на тот свет в новом платье отправлюсь, чтобы не повторяться. На том свете та же тусовка будет, сама понимаешь! Что ж я, в одном и том же платье-то?.. И здесь и там. И ты смотри, в старом платье не вздумай меня в гроб положить, поняла? Обязательно новое купи. Я потом нарисую тебе фасончик, ближе к обстоятельствам...

Волосы Береники

Ника закашлялась, поперхнувшись кофе. Маргарита Федоровна протянула костистый кулак, постучала ей по спине. Больно, будто молотком ударила. Ника хрипло вздохнула, замахала руками — не надо, мол, оставьте, сама справлюсь. И услышала за спиной насмешливый голос мужа:

— Правильно, мам, так ее, так, совсем невестка от рук отбилась. Учи ее уму-разуму!

Сева подошел, чмокнул мать в щеку, с улыбкой подмигнул Нике. Маргарита Федоровна не удержалась, продолжила игривый диалог:

— Да чего ее учить, только портить. Тут уж я без претензий к тебе, сынок. Хорошую ты себе жену оторвал, ни одного изъяна найти не могу. Вот уж семнадцать лет стараюсь, а не могу. Видать, хорошо прячет изъяны-то, зараза.

— Да, хитра стерва, — ласково потрепал Сева жену по затылку, и Ника невольно потянула голову за его рукой, как изнеженная добрым хозяином кошка.

— А Матвей где? Спит еще, что ли?

— Ну да, спит... Скажешь тоже... — удивленно глянула на мужа Ника, — будто ты своего сыночка не знаешь! Соскочил ни свет ни заря, тренировку себе устроил. Да глянь в окно, сам все увидишь. У них в футбольной школе сегодня экзаме́н какой-то... Он говорил, я не вникла. Никак не могу смириться с тем, что такое завидное упорство отдано всего лишь футболу.

— Ну это ты зря. Футбол — это, знаешь ли, по-мужски. Футбол — это...

Сева не договорил, повернулся к окну, стал на-

ВЕРА КОЛОЧКОВА

блюдать за сыном, выделявающим на газоне фокусы с футбольным мячом. Ника сунула ему в руку чашку с кофе, подвинула тарелку с блинчиками.

— Ну что, что футбол, Сева? И сам не знаешь, что сказать. Совсем свихнулись вы оба на этом футболе, что отец, что сын. Сева, ты слышишь, что я говорю?

— Вот, ага... Молодец... Давай, давай, получается... — тихо забормотал Сева, не обращая внимания на замечание жены. Скорее всего, он его и не слышал. Подавшись корпусом вперед, продолжал бормотать себе под нос: — Так, так... Молодец, сынок... Отлично...

— Ну все, завис папаша, — махнула рукой Маргарита Федоровна, тоже повернувшись к окну. — Я, между прочим, Нику в этом вопросе поддерживаю. Что это за увлечение такое у ребенка? Совершенно вредное увлечение, я считаю. Не дай бог, шею себе сломает. Лучше бы математикой увлекся или физикой. Учительница в гимназии говорила, у него способности к точным наукам.

— Одно другому не мешает, мам. Если способности есть, они никуда не денутся, — уверенно произнес Сева.

— Ну не скажи! Еще как денутся! Их же развивать надо, а ты этим футболом всю картину портишь. Потакаешь сыночку любимому! Вон, еще и ворота футбольные поставил, весь вид у газона испортил. Это же загородный дом, а не стадион, между прочим. Я не хочу жить на стадионе!

— Мам, не ворчи.

Волосы Береники

— А я что, ворчу? Я никогда не ворчу, сынок, я говорю чистую правду. Был приличный газон, а теперь нате вам — футбольное поле. Может, и впрямь из нашего уютного дома стадион с трибунами сделаем и зрителей позовем?

— У футбола нет зрителей, мам. У футбола болельщики.

— Тем хуже для футбола! Потому что нынче слово «болельщик» ассоциируется только с хулиганьем! И вообще... Когда я слышу по телевизору эти дурацкие сообщения, что какой-то там футбольный клуб хочет купить некоего игрока, мне всегда кажется, что речь идет не о футболе, а о жизни борделя. Ты ведь не хочешь, чтобы твоего сына покупали, правда?

— У тебя извращенное представление о футболе, мам.

— Ну какое уж есть! Нет, что ни говори, дорогой сынок Всеволод, а я возражала и буду возражать.

Дорогой сынок Всеволод маму уже не слышал. И жену не слышал, которая настойчиво предлагала ему попробовать блинчики. Вкуснейшие, между прочим. С ветчиной и сыром.

— Да не голову, а плечо надо было подставить! Сынок! А-а-а... Ну что же ты... — досадливо потянул руку к окну Сева, чуть не опрокинув на себя чашку с кофе.

— Боже мой, сколько эмоций. Ты же серьезный человек, Всеволод. Ника, скажи ему, — строго потребовала Маргарита Федоровна, повернувшись к невестке.

ВЕРА КОЛОЧКОВА

Ника улыбнулась, пожала плечами. Она-то знала, как развлекается свекровь, изображая из себя «строгую мамку». И давно научилась подхватывать эту шутовскую тональность, что называется, на лету.

— Сева, не надо нервничать с утра. Сегодня трудный рабочий день. Тебя ждут великие дела, Сева! — проговорила она весело.

Муж повернул голову, глянул так, что Ника тут же залилась тихим смехом, откинув назад голову. Маргарита Федоровна тоже рассмеялась, но более сдержанно, успев подмигнуть Нике.

— Пойду-ка я к сыну, скучно мне с вами... — тихо проговорил Сева, еще раз пробежав глазами по лицам жены и матери.

Они улынулись ему в ответ. Одинаково улынулись. Потому что услышали за этим «скучно» то, что должны были услышать: «Как же я вас люблю, мои женщины...»

— Иди, иди, — сердито махнула рукой Маргарита Федоровна. — С утра мяч по полю не погоняешь, весь день как оплеванный ходишь, я ж понимаю.

— Сев, а блинчик? — потянула ему вслед тарелку Ника. — Даже не попробовал.

Вскоре они уже вместе наблюдали, как резвятся на газоне отец с сыном. Сева стоял в воротах, Матвей с удовольствием забивал один мяч за другим, не жалея отцовского самолюбия.

Маргарита Федоровна вдруг произнесла, уже без тени иронии:

Волосы Береники

— И впрямь, Ника... Зря ты это допускаешь. Матвей слишком этой ерундой увлекся. Зря. И Сева ему зря потакает.

— Но что делать, если ему хочется?.. — пожалала плечами Ника.

— Кому? Севе?

— Нет. Матвею. Вы же про Матвея говорите?

— Ну да... Про Матвея, конечно. Про Севины хотения что говорить, с ними все понятно. А вот на Матвея можно еще повлиять.

— Да как я на него повлияю, Маргарита Федоровна? Я ж говорю — что делать, если ему хочется?

— Ну хочется... Мало ли что хочется, он же ребенок. А ты мать, ты должна смотреть дальше. Мать определяет будущее сына.

— А отец что, не определяет?

— Ну отец... Не знаю я про отца. Я ведь одна Севу растила, совсем одна, даже без бабушек и дедушек, мне не на кого было ответственность за его будущее переложить. Конечно, когда без отца, это плохо, спорить не буду... Вон сколько у Севки осталось нереализованных детских фантазий, тоже ведь футболом бредил...

— Это не фантазии, Маргарита Федоровна. Это мужской мир. Нам не понять.

— Да где уж нам, глупым бабам! Да только я в свое время проявила материнский волюнтаризм и решила, что головой мужику работать как-то сподручнее, чем ногами. Что ноги? Ноги, ноги... Поскользнулся, упал, очнулся — гипс... И с приветом, карьера твоя закончена. А голова, знаешь... Это как-то надежнее... И ведь получил-

ВЕРА КОЛОЧКОВА

ся толк из Севки-то, а? Вон какой мужичище. А умище какой — складывать некуда. И все, что полагается в жизни, сделал: и дом построил, и дерево посадил, и сына родил...

Маргарита Федоровна замолчала, будто захлебнулась, робко взглянула на невестку. Короткая молния-неловкость вспыхнула разрядом на долю секунды и тут же погасла. Ника тоже молчала, покусывая губу. Глядела в окно на мужа и сына, прищурившись.

И откуда она взялась, эта молния-неловкость? Такое меж ними было небушко голубое, насмешливо-ласковое, и никакого предчувствия грозы. Да будь она неладна, эта неловкость! Что теперь делать-то с ней?

— Все хорошо, Ника. Все отлично, слышишь? Прекрати... — тихо, но твердо проговорила Маргарита Федоровна. — Мы все правильно с тобой решили. Ты посмотри на них, посмотри. Абсолютно счастливые люди, отец и сын. Все правильно, слышишь?

— Да, Маргарита Федоровна, я слышу.

— Ну вот и хорошо! Чего ты вдруг суксилась?

— Не знаю, Маргарита Федоровна. Вдруг отчего-то сердце сжалось, как от дурного предчувствия.

— Прекрати. Никаких предчувствий знать не хочу! И все, и не будем больше об этом! Ни слова больше, поняла?

— Да, поняла.

— Вот и отлично. Ладно, я к себе поднимусь, мне еще пару звонков сделать нужно...